

Научная статья

УДК 332.1(571.6)

<https://elibrary.ru/DYFGCU>

Стратегия развития Дальневосточного федерального округа 2026–2036: новый этап опережающего развития

**Алексей Олегович
Чекунков**
Министр Российской
Федерации по развитию
Дальнего Востока
и Арктики

**Михаил Евгеньевич
Кузнецов**
Директор ФАНУ
«Востокгосплан»; заведующий
лабораторией Центра
системных трансформаций
МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье обосновывается логика нового этапа опережающего развития Дальнего Востока, закрепляемая Стратегией социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года: если содержанием первого этапа (2013–2025 годы) было создание базовых условий, снятие инфраструктурных барьеров и выход макрорегиона на опережающие среднероссийские темпы роста инвестиций и валового регионального продукта, то содержанием нового этапа (2026–2036 годы) становится новое качество роста – сдвиг к глубоким переделам, технологиям и производительности, при котором Дальний Восток формирует источники роста национального масштаба. На основе статистических данных охарактеризованы результаты первого этапа 2013–2025 годы. Проведено сопоставление структуры экономики и экспортного потенциала макрорегиона со структурой импорта стран Восточной и Юго-Восточной Азии, прежде всего КНР; показаны сегменты, в которых Дальний Восток обладает подтверждаемым расчетами конкурентным преимуществом по себестоимости, и ключевое ограничение конкурентоспособности – разрыв в производительности труда. Раскрыты предпосылки и параметры прогноза опережающего развития до 2036 год, включая отраслевую структуру прироста валовой добавленной стоимости. Статья опирается на научный задел дальневосточной экономической школы и международные концепции ускоренного и экспортно-ориентированного роста, фиксируя приращение знания: эмпирическую характеристику завершения задач первого этапа и количественную оценку условий перехода к новому качеству роста.

Ключевые слова: Дальний Восток, стратегическое планирование, опережающее развитие, инвестиционно-технологический цикл, Азиатско-Тихоокеанский регион, КНР, конкурентоспособность, производительность труда, экспортный потенциал, прогнозирование

Для цитирования: Чекунков, А. О., Кузнецов, М. Е. Стратегия развития Дальневосточного федерального округа 2026–2036: новый этап опережающего развития // Власть и управление на Востоке России. 2026 № 3 (116). С. 10–18. EDN: DYFGCU

Development Strategy of the Far-Eastern Federal district 2026–2036: new stage of advanced development

Aleksey O. Chekunkov¹, Mikhail Ye. Kuznetsov²

¹ Minister of the Russian Federation for development of the Far East and the Arctic

² The Federal Autonomous Science Institution «Eastern center for state planning»

Abstract. *The article substantiates the logic of a new stage of advanced development of the Far East, enshrined in the Strategy for socioeconomic development of the Far-Eastern Federal district until 2030 with a forecast until 2036: if the content of the first stage (2013–2025) was the creation of basic conditions, the removal of infrastructure barriers and the macro-region's achievement of outstripping the average Russian growth rates of investments and gross regional product, then the content of new stage (2026–2036) is a new quality of growth - a shift to deep processing, technology and productivity, in which the Far East forms sources of growth on a national scale. Based on statistical data, the results of first stage (2013–2025) are characterized. Comparison of the economic structure and export potential of the macro-region with the import structure of the countries of East and Southeast Asia, primarily China is made; The article highlights the segments in which the Far East has a cost-based competitive advantage, as well as the key constraint to competitiveness—the labor productivity gap. It also explores prerequisites and parameters for the accelerated development forecast to 2036, including the sectoral structure of gross value added growth. The article draws on scientific foundations of the Far-Eastern school of economics and international concepts of accelerated and export-oriented growth, capturing the advancement of knowledge: empirical analysis of completion of the first-stage objectives and a quantitative assessment of conditions for transition to a new quality of growth.*

Keywords: *the Far East, strategic planning, accelerated development, investment and technology cycle, the Asia-Pacific region, China, competitiveness, labor productivity, export potential, forecasting*

For citation: Chekunkov A. O., Kuznetsov M. Ye. (2026) Development Strategy of the Far-Eastern Federal district 2026-2036: new stage of advanced development. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (116), pp. 10–18. EDN: DYFGCU

Введение

Дальний Восток определен национальным приоритетом России на весь XXI век. За 2013–2025 годы в макрорегионе была развернута беспрецедентная по масштабу система инструментов государственной поддержки – территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, «дальневосточный гектар», льготная ипотека, единая президентская субсидия, механизм мастер-планов городов. Содержанием этого этапа было создание базовых условий развития: снятие накопленных инфра-

структурных и социальных барьеров, формирование инвестиционных институтов и выход макрорегиона на опережающую среднероссийскую динамику инвестиций, строительства и доходов.

Кардинальное изменение геоэкономического контекста в 2020-х годах – разворот внешнеэкономических связей России на Восток и утверждение Азиатско-Тихоокеанского региона в роли крупнейшего центра мирового экономического роста – ставит перед государственной политикой на Дальнем Востоке качественно иную задачу. Два

фактора, которые всегда делали этот макрорегион особенным, – география и ресурсы – из ограничений превратились в главные активы: география открывает прямой выход на самый емкий рынок мира, а ресурсная база отвечает на растущий глобальный спрос. Дальний Восток окончательно утверждается в роли фронта внешнеэкономического взаимодействия страны. Смысл нового этапа можно выразить одной фразой: Дальний Восток должен не только расти быстрее, чем страна в целом, что уже стало нормой прошедшего десятилетия, но и расти иначе: за счет высоких переделов, технологий и производительности, опережая конкурентов на рынках Азии. Именно этот переход – от опережающих темпов к опережающему качеству роста – составляет концептуальное ядро новой Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года (далее – Стратегия), разработанной во исполнение поручения Президента Российской Федерации в соответствии с законодательством о стратегическом планировании.

Цель настоящей статьи – обосновать этот переход в трех измерениях: ретроспективном (что дал первый этап и почему его задачи выполнены), сопоставительном (каковы позиции Дальнего Востока относительно конкурентов на рынках Азии, и где расположены его сравнительные преимущества) и прогнозном (какие предпосылки и целевые траектории закладываются в Стратегию, чтобы опережающее развитие состоялось).

Уроки экономических рывков: мировой опыт планирования и дальневосточная школа

Прежде чем проектировать следующее десятилетие, полезно честно ответить на два вопроса: что говорит о Дальнем Востоке отечественная наука, и как совершали свои рывки страны, сумевшие перейти из режима «догоняющего развития» к опережающему росту.

Ответ дальневосточной экономической школы, связанной, прежде всего, с именем П. А. Минакира и Институтом

экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, можно свести к двум тезисам. Первый – диагноз, поставленный исследователями дальневосточной экономике 1990-х – начала 2000-х годов: бюджетная поддержка, построенная в компенсаторной логике, сама по себе не создает в макрорегионе механизма саморазвития [Минакир, 2006]. Второй: долгосрочная перспектива Дальнего Востока – в сопряжении с экономиками Тихоокеанского бассейна [Синтез ..., 2011]. Государственная политика, развернутая с 2013 года, изначально строилась с учетом этих выводов: сделав ставку не на дотационную поддержку, а на инвестиционные институты – само название ключевого из них, территорий опережающего развития, зафиксировало целевую планку, – она уже на первом этапе вывела макрорегион на темпы роста инвестиций и душевого валового регионального продукта выше среднероссийских. Новая Стратегия – следующий шаг в той же логике: интеграция с рынками Азии закрепляется в качестве основного источника роста, а центр тяжести политики смещается от темпов к структуре экономики. В этом смысле документ можно рассматривать как последовательное развитие выводов дальневосточной школы в практических государственных решениях.

Второй опорой при подготовке Стратегии стал обзор мирового опыта государственного планирования ускоренного развития, выполненный Минвостокразвития России совместно с ФАНУ «Востокгосплан» и представленный на экспертных площадках в 2024 году. [Ускоренное ..., 2024]. Были проанализированы семь экономик, совершивших устойчивый рывок, – от послевоенного СССР до современного Вьетнама (табл. 1). При всем различии эпох и политических моделей эти кейсы объединяет общий каркас: наличие полномочного органа планирования, горизонт планирования 5–10 лет, ясные отраслевые приоритеты и последовательная экспортная ориентация промышленности.

Таблица 1

Мировой опыт государственного планирования ускоренного развития

Страна (период)	Рост ВВП, % в год	Ключевые инструменты
СССР (1951–1955)	11,0	Пятилетние планы, механизация, приоритет инфраструктуры и производительности
Республика Корея (1962–1996)	9,8	Пятилетние планы, модернизация производства, поддержка экспорта
Сингапур (1965–1990)	9,2	Активная инвестиционная политика, экспорт промышленности и электроники
Ирландия (1994–1999)	9,0	Привлечение инвестиций в высокотехнологичные отрасли, снижение налогов
Китай (1980-е–2022)	7,8	Пятилетние планы, особые экономические зоны, экспортоориентированность
Вьетнам (2001–2022)	5,3	Реформы «дой мой», электрификация, привлечение инвестиций
Япония (1955–1980)	5,0	Индикативное планирование, экспорт продукции машиностроения и электроники

Источник: составлено авторами по материалам обзора Минвостокразвития России и ФАНУ «Востокгосплан».

Из этого обзора следуют два вывода, которые прямо заложены в конструкцию Стратегии.

Первый – про инвестиции: экономических чудес без высокой нормы накопления не бывает. Межстрановые сопоставления за 2002–2022 годы показывают устойчивую связь объема инвестиций и темпов роста: Китай при норме инвестиций свыше 40% ВВП рос почти на 8% в год в подушевом выражении, Вьетнам и Индия при 33–35% – более чем на 5%, тогда как экономики с нормой инвестиций около 20% ВВП растут в лучшем случае на 2–3% [Ускоренное ..., 2024]. Каждая из «стран рывка» проводила агрессивную инвестиционную политику, и именно поэтому инвестиции поставлены в центр дальневосточной модели. Задел создан: по темпам роста инвестиций Дальний Восток в отдельные годы втрое опережал среднероссийский уровень, а целевой сценарий Стратегии закрепляет эту логику, предусматривая более чем удвоение годового объема вложений к 2036 году.

Второй – про технологии: глобальные технологические мегатренды работают на Дальний Восток дважды. С одной стороны, они формируют новый спрос на то, чем макрорегион располагает: экспоненциальный рост вычислений превращается в рост спроса на электроэнергию; продовольственная безопасность четырех миллиардов жителей Азии все больше зависит от технологичного агропроизвод-

ства; новые отрасли требуют все больше традиционных ресурсов – потребление меди, по имеющимся оценкам, вырастет в полтора раза за пятнадцать лет [Ускоренное ..., 2024]. С другой стороны, технологии – роботизация, беспилотные системы, искусственный интеллект – это главный инструмент преодоления ключевого ограничения макрорегиона, дефицита труда: там, где не хватает рабочих рук, должны работать машины. Поэтому технологическое измерение пронизывает Стратегию насквозь – от беспилотной техники на месторождениях до экспериментальных правовых режимов для искусственного интеллекта.

Международная академическая литература подтверждает эти практические уроки: классическая теория догоняющего развития объясняет механику ускорения отстающих экономик [Gerschenkron, 1962], исследования восточноазиатской индустриализации показывают, что устойчивый выход из догоняющего режима достигается через последовательное повышение сложности экспорта [Akamatsu, 1962; The East Asian ..., 1993], а новая экономическая география – почему выгоды концентрируются в агломерациях и транспортных узлах [Krugman, 1991]; китайские программы территориального развития дают эмпирический материал о политике ускорения в масштабах крупнейшей экономики Азии [Démurger, Sachs, Woo, Bao, Chang, Mellinger, 2002].

Что нового вносит настоящая статья в эту рамку? Накопленная за 2013–2025 годы статистика впервые позволяет эмпирически охарактеризовать результаты первого этапа дальневосточной политики, а разворот на Восток превратил тихоокеанский вектор из научной гипотезы в состоявшийся факт хозяйственной жизни. Опираясь на эти два обстоятельства и на уроки мирового опыта, статья переводит дискуссию о смене модели развития в верифицируемую плоскость – к количественной оценке условий, при которых опережающее развитие продолжится на новом уровне.

Первый этап 2013–2025 годов: создание базовых условий и опережающая динамика

Оценка итогов реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года позволяет утверждать, что базовая миссия первого этапа выполнена: сняты ключевые барьеры, ограничивавшие хозяйственную связанность макрорегиона с остальной территорией страны и качество жизни его населения. Достигнуты плановые значения индикаторов уровня доходов, подушевых расходов на здравоохранение, плотности автодорожной сети с твердым покрытием.

Динамику этапа характеризуют следующие данные (табл. 2). По темпам роста подушевого валового регионального продукта (в 2024 году – рост на 282% к уровню 2013 года) и инвестиций (в 2025 году – на 86% к 2013 году) Дальневосточный федеральный округ вышел в лидеры среди федеральных округов. Ввод жилья в 2025 году на 66% превысил уровень 2013 года, причем три года подряд округ за-

нимает первое место в стране по темпам роста этого показателя; индекс качества городской среды вырос со 145 баллов в 2018 году до 198 баллов в 2024 году. Реальные денежные доходы населения увеличились на 29% к 2013 году, а ценовой разрыв со среднероссийским уровнем (по стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг) сократился со 131% до 112%. Наконец, впервые за постсоветский период переломлен миграционный тренд: среднегодовая миграционная убыль 2010-х годов, превышавшая 30 тыс. человек, сменилась в 2024 году миграционным приростом в 24,2 тыс. человек.

Вместе с тем данные фиксируют и границы экстенсивной фазы роста. Во-первых, рост в значительной степени опирался на добывающий сектор: его доля в валовом региональном продукте увеличилась с 24% в 2016 году до 30% в 2024 году, он формирует 23% инвестиций округа. Во-вторых, задача формирования численности населения и трудовых ресурсов в объемах, необходимых экономике макрорегиона, решена не в полной мере: в большинстве субъектов округа сохраняется сокращение численности населения и рождаемости, предложение рабочей силы снижается с 2013 года, и по итогам 2025 года спрос на труд практически сравнялся с численностью рабочей силы. В-третьих, экономическая активность и население концентрируются на ограниченном числе территорий: на пять регионов приходится около 80% валового регионального продукта и населения округа.

Содержательный вывод состоит в том, что дальнейшее наращивание темпов прежними инструментами дает убываю-

Таблица 2

Ключевые результаты первого этапа 2013–2025 гг.

Показатель	Начало цикла	Итог цикла
Подушевой ВРП (к уровню 2013 г.)	100%	382% (2024 г.)
Инвестиции в основной капитал (к 2013 г.)	100%	186% (2025 г.)
Ввод жилья (к 2013 г.)	100%	166% (2025 г.)
Индекс качества городской среды, баллов	145 (2018 г.)	198 (2024 г.)
Реальные денежные доходы (к 2013 г.)	100%	129% (2025 г.)
Стоимость фиксированного набора товаров и услуг, % к РФ	131%	112%
Миграционный баланс, тыс. человек в год	–30 и более	+24,2 (2024 г.)

Источник: составлено авторами по материалам обзора Минвостокразвития России и ФАНУ «Востокгосплан».

щую отдачу: задачи первого этапа выполнены, однако его инструментарий сам по себе не создает источников роста, соразмерных новой внешнеэкономической роли макрорегиона, и не отвечает на главный дефицит нового цикла – дефицит труда, преодолимый только через опережающий рост производительности и капиталовооруженности.

Дальний Восток на рынках Азии: сопоставительный анализ конкурентных позиций

Основанием для перехода к опережающей модели служит не только исчерпание прежней, но и беспрецедентная емкость внешнего спроса, к которому Дальний Восток обращен географически. На страны Восточной и Юго-Восточной Азии приходится около 46% населения мира и порядка 28% мировой экономики; суммарный валовой внутренний продукт экономик региона оценивается в 35 трлн долл. США (2025 год) при ожидаемых темпах роста около 5% в год – вдвое выше среднемировых.

При этом, как это ни парадоксально, именно в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации мир предъявляет растущий спрос на физические ресурсы: медь, золото, редкоземельные металлы, энергию. Для макрорегиона, до значительной части недр которого в советское время, по сути, не успели добраться и который сегодня вводит в оборот сотни разведанных тогда месторождений, этот спрос означает историческое окно возможностей. Принципиальное значение для стратегирования имеет структура импорта этих стран. По данным ЮНКТАД за

2024 год, импорт стран Восточной и Юго-Восточной Азии в товарных группах, соответствующих специализации Дальнего Востока, составил: топливо (включая уголь) – 1073 млрд долл. США, руды и металлы (включая цветные металлы, железо и сталь) – 734 млрд, химические продукты – 436 млрд, продовольствие – 430 млрд долл. США (табл. 3). Сопоставление этой структуры с экспортным профилем макрорегиона показывает высокую степень взаимодополняемости: по всем четырем крупнейшим товарным группам азиатского импорта Дальний Восток либо уже является поставщиком (энергоносители, руды и концентраты, рыбная продукция), либо обладает ресурсной базой для наращивания поставок продукции более высоких переделов (нефтегазохимия, металлургия, переработанное продовольствие). Для КНР – крупнейшего торгового партнера России – эта взаимодополняемость усиливается фактором логистической близости дальневосточных производств к северо-восточным провинциям, импортирующим энергоносители, полимеры и продовольствие.

Ключевой вопрос – способен ли макрорегион конкурировать на этих рынках не объемом сырья, а продукцией переработки. Расчеты, выполненные при подготовке Стратегии, дают на него положительный ответ для ряда производств. Показателен пример полиэтилена: полная себестоимость дальневосточного продукта с доставкой покупателю (CFR) оценивается в 730 долл. США за тонну – против 740 у Саудовской Аравии, 910 у Китая, 1050 у США и 1480 долл. США у Евро-

Таблица 3

Импорт стран Восточной и Юго-Восточной Азии по товарным группам специализации ДФО, 2024 г. (по данным ЮНКТАД)

Товарная группа	Объем импорта, млрд долл. США	Позиция ДФО
Топливо (в т. ч. уголь)	1073	Действующий поставщик; база – нефть, газ, уголь
Руды и металлы	734	Действующий поставщик; потенциал переделов
Химические продукты	436	Потенциал: нефтегазохимия на собственном сырье
Продовольствие	430	Действующий поставщик (РХК); потенциал АПК
Телекоммуникационное оборудование	137	Ограниченная ниша

Источник: составлено авторами по материалам обзора Минвостокразвития.

пейского союза (по данным NexantECA, ChemAnalyst, Grand View Research). Преимущество формируют собственное сырье, относительно дешевая энергия, преференциальные режимы и логистическое плечо до потребителя в 2–4 дня; в результате дальневосточная нефтегазохимия потенциально занимает первое место в мире по себестоимости с экономией 51% к европейскому уровню, 30% – к американскому и 20% – к китайскому. Аналогичная логика – «собственный ресурс плюс энергия плюс короткая логистика» – применима к металлургическим переделам и глубокой переработке продовольствия.

Одновременно международные сопоставления обнажают главное ограничение конкурентоспособности макрорегиона – производительность труда. По оценкам на основе данных Всемирного банка и расчетов ФАНУ «Востокгосплан», выработка на одного занятого в год составляет на Дальнем Востоке около 75 тыс. долл. США – ниже среднероссийского уровня (82 тыс.), уровня Европейского союза (121 тыс.), Саудовской Аравии (132 тыс.) и США (156 тыс.), хотя и выше показателя Китая (43 тыс.). В условиях, когда предложение труда в округе исчерпано, а спрос на него продолжает расти, наращивание выпуска возможно исключительно через опережающий – относительно страны и конкурентов – рост производительности: автоматизацию, повышение капиталовооруженности, сдвиг структуры занятости к высокопроизводительным секторам. Именно это соотношение – взаимодополняемость с азиатским спросом при подтвержденном ценовом преимуществе в переделах и критическом разрыве в производительности – и закладывается в Стратегию как исходная диспозиция опережающего развития.

Прогноз опережающего развития: предпосылки, сценарии, целевые параметры

Прогнозная конструкция Стратегии исходит из двух сценариев. Инерционный сценарий описывает продолжение сложившихся трендов: сохранение преимущественно сырьевой модели, перенос части капиталоемких проектов за горизонт 2036 года, продолжение негативных демографических тенденций. Целевой сценарий – сценарий опережающего развития – опирается на следующие пред-

посылки: полномасштабную реализацию заявленных инвестиционных проектов нового инвестиционно-технологического цикла; последовательное снятие инфраструктурных ограничений в энергетике и транспортно-логистическом комплексе; эффективное применение преференциальных режимов; активную политику народосбережения и привлечения кадров; устойчивый спрос экономик Азии на профильную продукцию макрорегиона в параметрах, охарактеризованных выше.

Количественно целевой сценарий означает выход экономики округа на качественно новую траекторию. Валовой региональный продукт макрорегиона к 2036 году прогнозируется в объеме порядка 228 млрд долл. США, что соответствует приросту на 55% в реальном выражении. Принципиальна отраслевая структура этого прироста: наибольшую дополнительную добавленную стоимость формируют металлургия и добыча полезных ископаемых (кроме углеводородов) – около 39 млрд долл. США (+87% к текущему уровню), добыча нефти и газа – 21 млрд долл. США (+10%), нефтегазохимия – 12 млрд долл. США (+810%), агропромышленный и рыбохозяйственный комплексы – 10 млрд долл. США (+33%), сектор информации и связи – 2 млрд долл. США (+26%). Таким образом, опережающий рост обеспечивается не наращиванием сырьевого экспорта как таковым, а сдвигом к переделам: самые высокие темпы прироста закладываются именно в перерабатывающих секторах, имеющих конкурентное преимущество.

Система целевых индикаторов Стратегии (табл. 4) фиксирует различие сценариев. Доля округа в суммарном валовом региональном продукте страны возрастает с 6,3% в 2024 году до 7,3% к 2036 году в целевом сценарии против 6,7% в инерционном. Годовой объем инвестиций увеличивается с 4,1 до 9,2 трлн руб. (против 6,9 трлн в инерционном варианте). Производительность труда к 2036 году возрастает на 50% к уровню 2024 года (против 37%), что прямо отвечает на ограничение, описанное ранее. Внутренние затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) увеличиваются с 0,22% до 1,0% от валового регионального продукта. Демографический блок маркирует смысловую

Таблица 4

Целевые индикаторы Стратегии к 2036 г. по сценариям

Показатель	2024 г.	Инерционный	Целевой
Доля ДФО в суммарном ВРП РФ, %	6,3	6,7	7,3
Инвестиции в основной капитал, трлн руб. в год	4,1	6,9	9,2
Производительность труда, % к 2024 г.	100	137	150
Внутренние затраты на НИОКР, % ВРП	0,22	0,43	1,0
Численность населения, тыс. человек	7 881	7 476	7 866
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	—	78,1	81

Источник: составлено авторами по материалам обзора Минвостокразвития России и ФАНУ «Востокгосплан».

границу сценариев: целевой сценарий предполагает стабилизацию численности населения на уровне 7866 тыс. человек с накопленным миграционным приростом 181 тыс. человек к 2036 году и ростом ожидаемой продолжительности жизни до 81 года, тогда как инерционный предусматривает сокращение населения до 7476 тыс. человек.

Опережающее развитие в понимании Стратегии, таким образом, – это не только экономический рост темпами выше среднероссийских, но и превращение Дальнего Востока в место, которое привлекает людей, говоря образно, и романтикой, и рублями: масштабом дела, к которому хочется быть причастным, и качеством жизни, конкурентоспособным в национальном масштабе. Логика здесь замкнута в контур: экономическая и демографическая траектории целевого сценария взаимно поддерживают друг друга, поскольку прогнозируемый рост переделов невозможен без кадров, а удержание и привлечение кадров – без роста доходов и качества среды, финансируемого этим ростом.

Заключение

Дальний Восток, решив задачи первого этапа опережающего развития, готов к следующему шагу. Статистика 2013–2025 годов показывает, что созданные институты сделали свое дело – сняты базовые барьеры, удвоены инвестиции, переломлен миграционный тренд, а темпы роста макрорегиона устойчиво превышали среднероссийские. Но повторение пройденного больше не даст прежнего эффекта: главным дефицитом макрорегиона стал труд, а главным ресурсом – близость к крупнейшему рынку планеты. В этих условиях содержание нового этапа определяется однозначно: расти не только быстрее страны и конкурентов, но и

качественно иначе – за счет переделов, технологий и производительности.

Сопоставительный анализ показывает, что это не лозунг, а расчет. Тихоокеанский вектор, который дальневосточная экономическая школа десятилетиями обосновывала как долгосрочную норму, стал операциональной реальностью: импорт стран Восточной и Юго-Восточной Азии только по четырем профильным для макрорегиона товарным группам превышает 2,6 трлн долл. США в год, а по продукции переделов – на примере нефтегазохимии – Дальний Восток обладает подтвержденными расчетами ценовым преимуществом перед всеми ключевыми конкурентами, от Европы до Китая. Честный анализ требует назвать и главное ограничение: разрыв в производительности труда. Его преодоление – не одна из задач, а условие, без которого преимущество останется на бумаге.

Прогнозная конструкция Стратегии переводит этот переход в верифицируемые параметры: рост валового регионального продукта макрорегиона на 55% к 2036 году с опорой на перерабатывающие секторы, более чем удвоение годового объема инвестиций, рост производительности труда на 50%, стабилизация численности населения. Впервые дискуссия о модели развития Дальнего Востока, которая велась в научной литературе не одно десятилетие, закреплена в документе стратегического планирования в виде измеримых обязательств. Проверка фактических траекторий относительно этих параметров – совместная работа науки и государственного управления на весь горизонт реализации Стратегии; авторы исходят из того, что через десять лет о результатах этой работы можно будет судить так же предметно, как сегодня – об итогах первого этапа.

Список источников/References

1. Минакир, П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А. Г. Гранберг. М.: Экономика, 2006. ISBN: 5-282-02549-3 EDN: RWHZNP
Minakir, P. A. (2006) Regional Economics. The Far East / ed. by A. G. Granberg. Moscow: Ekonomika. ISBN: 5-282-02549-3 EDN: RWHZNP (in Russ.).
2. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко ; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 912 с.
The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050 / ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko ; Rus. Acad. Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute. – Vladivostok : Dal'nauka, 2011. – 912 p. (in Russ.).
3. Ускоренное экономическое развитие: взгляд с Дальнего Востока: материалы обзора мирового опыта государственного планирования / Минвостокразвития России, ФАНУ «Востокгосплан». М., 2024.
Accelerated Economic Development: A View from the Far East: Materials Reviewing Global Experience in State Planning / Ministry of the Russian Far East Development, FANU «Vostokgosplan». Moscow, 2024, (in Russ.).
4. Gerschenkron, A. (1962) Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Akamatsu, K. A (1962) Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // The Developing Economies, vol. 1, suppl. 1, pp. 3–25. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1962.tb00811.x
6. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. World Bank Policy Research Report. New York: Oxford University Press, 1993.
7. Krugman, P. (1991) Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy, vol. 99, no. 3, pp. 483–499. DOI: 10.1086/261763 EDN: BJMFRF
8. Démurger, S., Sachs, J. D., Woo, W. T., Bao, S., Chang, G., Mellinger, A. (2002) Geography, Economic Policy, and Regional Development in China // Asian Economic Papers, vol. 1, no. 1, pp. 146–197.

Статья поступила в редакцию 15.07.2026; одобрена после рецензирования 12.08.2026; принята к публикации 14.08.2026.

The article was submitted 15.07.2026; approved after reviewing 12.08.2026; accepted for publication 14.08.2026.

Информация об авторах

А. О. Чекунов – Министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Москва, Россия

pr.ministra@minvr.gov.ru

М. Е. Кузнецов – кандидат экономических наук, директор федерального автономного научного учреждения «Восточный центр государственного планирования»; заведующий лабораторией Центра системных трансформаций экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

m.kuznetsov@vostokgosplan.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5657-8184>

Information about the authors

A. O. Chekunkov – Minister of the Russian Federation for development of the Far East and the Arctic, Moscow, Russia

pr.ministra@minvr.gov.ru

M. Ye. Kuznetsov – Candidate of Economic Sciences, Director, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»; Head of the Laboratory at the Center for System Transformations, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

m.kuznetsov@vostokgosplan.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5657-8184>